

Часть 4

— Тэтсухико... Я тоже собираюсь выступить на культурном фестивале. — Я сказал это, как только вошел в класс следующим утром, и Тэтсухико, моргнув несколько раз, самодовольно улыбнулся.

— Честно говоря, я ждал, что ты это скажешь.

— Я знаю.

Это было мое решение!

Я бы вернулся в качестве актера, привлек бы всеобщее внимание и стал бы даже более популярным, чем Абэ!

Как вам такой вариант? Абэ собирался пойти на свидание с Широкусой, чтобы унижить меня! Если бы он проиграл мне как актеру, разве он не почувствовал бы себя униженным?! Более того, я собирался сделать вид, что Широкуса ничего для меня не значила!

А что потом?! Будучи поставленным мной на свое место, и зная, что Широкусу больше нельзя использовать, как оружие против меня, Абэ понял бы, что больше нет никакого смысла в захвате сердца Широкусы на Фестивале признаний! Поэтому он будет пытаться взбесить меня, используя вместо этого другие трусливые средства!

Но это было именно тем, на что я надеялся! В таком случае я разоблачу его подлые методы и разрушу все мнения о нем!

Так Широкуса поймет истину и, может быть, даже вернется ко мне, но, хе-хе, будет уже поздно! Для меня это уже было бы достаточно хорошо! Еще и потому, что Абэ превратил Широкусу в танцующего клоуна!

Популярный я храбро отвергнет Широкусу и выберет только лучшую девушку из гарема потрясающих женщин! О да, это действительно была бы окончательная месть!

Муахахахаха... Я внутренне злорадствовал, а Тэтсухико положил локоть мне на плечо.

— Что происходит, Суэхару? Почему такое внезапное изменение, хмм?

— Ну... Ты знаешь...

— Я могу только сказать, что у тебя снова одно из твоих глупых заблуждений, но пока что это

мне на руку, поэтому я позволю себе закрыть на это глаза.

— Что значит глупые заблуждения?! Мой план идеален!

— Но ты же идиот... Я тебе вот что скажу, только потому что мы друзья, я дослушаю до конца, ладно?

— Сколько еще снисходительности ты можешь выдать?! Тц, ну, в общем, я просто хочу победить Абэ-семпая. Вот почему я выступаю. Это все.

Тэтсухико на секунду застыл, но затем ухмыльнулся, как кошка.

— Ясненько. Думаю, я немного понял ситуацию. Это и правда единственный для тебя способ победить Абэ-семпая.

— Ты все понял слишком быстро.

— Просто ты тормоз.

— Неужели?

— Умри медленно.

— Ты имел ввиду смертельно медленный?!

— О нет, я имел в виду, что ты должен убить себя, так что это не было ошибкой.

— Это ужасно! Ты правда мой друг или кто?!

Я вздохнул, затем протянул ладонь Тэтсухико.

Мой жест не означал предложение рукопожатия. Я просил его «передать это мне».

— Что, Суэхару, ты хочешь мне что-нибудь дать?

— Нет, наоборот. Сценарий спектакля, который мы делаем. Я знаю, что мы переходим от одного актера к двум, у нас нет звука, освещения, большого или малого реквизита, но у тебя же есть сценарий, который мы могли бы использовать, верно?

Тэтсухико лишь пожал плечами.

— Что ж, он конечно есть, но...

— Но что?

— Если ты собираешься победить Абэ-семпай, взяв один из сценариев драмы в библиотеке, это точно не поможет. Я уверен, что ты это понимаешь.

— Уффф.

Я знал это. Привлечь больше внимания, чем Абэ – работающий профессиональный актер, за одно выступление, было чем-то почти невозможным. Совершенно невозможным, если говорить начистоту.

Конечно, я бы постарался изо всех сил, но одного моего актерского мастерства было бы недостаточно. Сначала мне нужно было создать тему. Спектакль с темой, которая, прежде всего, должна была быть интересной и удовлетворить любого, кто придет посмотреть. Таким образом, шаблоны из библиотеки были исключены.

Дело не в том, что классические драмы были плохи. Они были основой, и, наверное, даже можно было сказать, что они шлифовались и улучшались с течением времени.

Но они не могли угодить толпе. Это была бы роковая ошибка. В них не было яркости и актуальности. Возможно, они подходили для публичного выступления театрального клуба, но двое парней-энтузиастов, исполняющих то же самое в обычной обстановке, не вызовут никакого интереса. Были также дополнительные препятствия: отсутствие освещения и звука.

— На этом этапе я чувствую, что пародия может сильно приблизить нас к достижению моей цели.

Пародия будет достаточно увлекательной, если ее цель будет интересной, и, что самое главное, ее будет нетрудно состряпать. В этом случае привлечь больше внимания, чем Абэ-семпай, не было несбыточной мечтой.

— О, понятно, ты прав. Но, Суэхару, ты действительно способен на пародию? Кто из нас будет писать сценарий? И, в первую очередь, ты сам вообще хочешь сыграть пародию?

— Нет...

— Я тоже никогда не считал себя комиком.

Тэтсухико готовился к культурному фестивалю, намереваясь «покрасоваться». Таким образом, даже обычная классическая драма без юмора имела достоинства и, возможно, еще больше подчеркнула бы менее заметную, традиционно мужскую сторону Тэтсухико. Пародия удалялась от того направления, в котором он намеревался играть.

Я вздохнул.

— Сценарий, да? Мы должны сделать его соответствующим ситуации, в которой мы сейчас находимся, верно?

Удивительный сценарий, который также был бы актуальным, супервеселым и превзошел бы Абэ по всем фронтам.

— Хм, а теперь найти бы кого-нибудь, кто мог бы такое написать...

В этот момент в класс вошла Широкуса. Мои глаза бессознательно следовали за ней, как и глаза Тэтсухико.

— Есть один человек, в котором я могу не сомневаться.

— Ммм, ага, есть.

Прекрасная, отмеченная наградой Akutami, писательница из старшей школы – Качи Широкуса. Вероятно, в стране было немного людей, которые могли бы написать сценарий лучше, чем она, не говоря уже об этой школе.

С ней, актуальность сценария уже не была бы проблемой. Нам крайне не хватало присутствия в нашей команде человека, настолько квалифицированного для выполнения этой задачи.

— Эй, Суэхару. Пойди-ка и спроси ее, а?

Тэтсухико слегка ткнул меня локтем.

— Почему я? Иди и сделай это сам.

Для кого-то убитого горем обращение к человеку, являющемуся причиной травмы, было тем же самым, что сыпать соль на рану. Как бы ты ни обманывал себя местью, все равно было больно.

Тэтсухико вздохнул как можно более преувеличенно, чтобы посмеяться надо мной.

— Ты все еще не понимаешь, как сильно меня ненавидят, да? Что ж, я продемонстрирую, и даже такой идиот как ты поймет, так что просто смотри за мной.

Я был расстроен, что меня называли идиотом, но молча наблюдал, не имея слов для ответа.

Тэтсухико окликнул Уга Рейну, девушку из теннисного клуба, которая случайно оказалась перед доской.

— Рейна-чан, ты не поговоришь со мной всего секунду?

— Ты ужасный человек! Убей себя!

Невероятно, ему сразу же сказали убить себя.

Тем не менее, Тэтсухико не сдавался. На этот раз он нацелился на Куроху.

— Шида-чан, ты не поиграешь со мной когда-нибудь?

— Ох, Тэтсухико-кун, ты совсем не честен... это грубо по отношению к девушке, понимаешь?

Мягкий ответ, как и ожидалось от Курохи. Вероятно, она была одной из немногих оставшихся в школе девушек, которые по-прежнему нормально относились к Тэтсухико.

Последней, к кому он обратился, была Широкуса.

— Привет, Качи, можно мне потискать твои сиськи?

— Я заставлю весь твой вид вымереть.

— Как насчет этого? — спросил Тэтсухико, оборачиваясь. — Видишь?

— «Видишь?», хренидишь! Я даже не знаю, с чего начать, но у тебя должна быть невероятная смелость, если ты можешь так легко попросить одноклассницу позволить тебе пощупать ее грудь! И ответ Качи был слишком пугающим! Что она имела в виду «вымереть»?! Она собирается устроить вымирание всего человечества?!

— Не, она, наверное, говорит только о прекращении моей родословной, верно?

— Что уже достаточно пугает! Как ты можешь быть таким спокойным, услышав это?!

— Что ж, я не забочусь ни о ком другом кроме себя. Кого вообще волнует моя родословная?

— Ты действительно постигаешь новые уровни бытия мусором, да?

— Итак, подводя итоги, я не могу этого сделать, так что это должен сделать ты, Суэхару. Вы двое хорошо ладите наедине, верно? Если ты не врал, то докажи это.

Что ж, если его так сильно ненавидели, у меня, вероятно, не было другого выбора, кроме как пойти и попробовать.

— И все же...

Я сомневался, что смогу смотреть Широкусе прямо в лицо.

Отвергнутый мужчина был жалким. Как бы сильно вы ее ни ненавидели, вы все равно нервничаете, и ваше сердце колотится от разговора с ней напрямую. Это приносило только еще большее унижение и разочарование.

Поэтому, откровенно говоря, я не хотел разговаривать с Широкусой. Я даже не хотел видеть ее в своем поле зрения.

Но меня заинтересовала одна вещь. Дело в том, что вчера Абэ сказал, что «он слышал обо мне от Широкусы».

Широкуса знала, что я был актером в детстве. И все же она ни разу не подняла эту тему между нами. Я хотел поговорить с ней об этом.

— О чем вы двое тут болтаете? Все девочки немного на грани из-за Тэтсухико-куна.

Куроха, которая разговаривала со своими друзьями поблизости, закончила разговор с ними и ворвалась к нам.

— Что ж...

Я рассказал ей, как решил сыграть с Тэтсухико на культурном фестивале, а также о том, что у нас не было подходящего сценария, и у меня возникли трудности с тем, чтобы попросить Широкусу помочь написать его.

— Понятно, вот оно что.

— Тэтсухико, ты не думаешь, что было бы еще лучше, если бы мы попросили Куро спросить ее

вместо меня?

— Что ж... Если мы подумаем об этом с точки зрения способностей к переговорам, ты будешь прав...

— Вот и все, Куро, не могла бы ты сделать нам одолжение и спросить ее?

— Нет.

Время обработки: ноль секунд. Это было мгновенное решение.

— Огромное пожалуйста...

— Нет. Абсолютное нет.

— Курооо.

Куроха сохраняла холодное выражение лица притворного игнора.

Честно говоря, видеть от нее подобную реакцию, было довольно необычно. Куроха всегда улыбалась и была из тех, кто хорошо ладил со всеми. Тэтсухико, которого большинство девушек считали не ценнее мусора, не был исключением из этого правила.

Но чтобы она так решительно выразила свой отказ... Кстати говоря, она говорила, что раньше ненавидела Качи, не так ли? В тот момент я не воспринял ее всерьез, потому что для меня это прозвучало как шутка, но теперь, когда мы подошли к этому моменту...

— Кроме того, Хару!

Куроха внезапно и решительно повернула лицо ко мне.

— Разве ты не получил мое сообщение в Hotline*. Я просила тебя подождать, потому что собиралась встретиться с тобой у твоего дома сегодня утром.

[П/П: Hotline – выдуманная автором альтернатива в действительности существующего японского мессенджера LINE.]

— Чего?

Я проверил свой телефон и увидел, что действительно получил то самое сообщение.

— Уф, виноват, я просто его не заметил.

— Ну, оно не отметились, как прочитанное, поэтому я догадывалась...

— Мне очень жаль!

— Так как это было наше первое утро в отношениях, я действительно хотела, чтобы мы вместе пошли в школу, понимаешь?

В этот момент по окружающему нас пространству прокатились волны недоумения, заморозившие время.

— ... Чего?

— ... А?

Классная комната стала звучать, как шелест листьев на ветру.

— Н-не так громко!

Тот факт, что мы с Курохой встречались, рано или поздно должен был стать достоянием общественности, иначе Широкусы бы это не коснулось.

Но я чувствовал, что предпочел бы сделать все более осмотрительно и, возможно, более ограниченно. Например дать услышать об этом только Широкуса. Однако такая возможность ускользнула от меня.

Я тоже был виноват в том, что раньше не обсудил этот вопрос с Курохой, но нанести удар так внезапно... Это могло означать только начало грядущего кровопролития!

— Мару-кун!

— Пришло время поиграааать!

Ну началось! Завистливые до безумия одноклассники номер один и номер два.

Окей, металлическая бита и все остальное действительно пугает, не могли бы вы положить их? Где вы вообще все это прятали? Это не смешно, понятно?

— Стоять!

Куроха тут же втиснулась между мной и нашими одноклассниками, обхватив меня за руку.

Почувствовав мягкость ее груди у моего локтя, я невольно растянул рот в ухмылке. Мягкость, которую я чувствовал даже через ее бюстгальтер... Это ощущение было слишком абсурдным, чтобы его можно было выразить словами. Я чувствовал себя потрясаяще.

— Что бы ты ни сделал с Хару, тебе придется сделать это и со мной.

— Н-но, Ш-Шида-сан! Мы не собираемся делать то, о чем тебе следует беспокоиться...

— Точно! Мы всего лишь пытаемся привести тебя в чувство, Шида-сан...

— Разве я не в своем уме?

Ревнивые ублюдки, которых я раньше считал такими пугающими, были всего лишь младенцами, когда имели дело с Курохой.

— О-о, я п-понимаю, это здорово!

— Н-но почему ты выбрала кого-то вроде Мару...

— Кто-то вроде Мару? Ты только что оскорбил Хару, назвав его «кем-то вроде»?

— Н-нет, совсем нет!

— Эй, д-давай, сваливаем отсюда!

Увидев выражение лица Курохи, оба завистливых одноклассника и еще несколько парней, которые планировали присоединиться к ним, удрученно удалились.

— Дай мне знать, если встретишь таких людей, Хару. Старшая сестренка защитит тебя.

— Куро...

Старшая сестра Куроха, честно говоря, ты слишком надежная.

Боже, я действительно завел отличного друга детства. Ее надежность была ангельской.

Но стоило мне подумать об этом, и я почувствовал, как по моему телу пробегают мурашки.

Оглядываясь по сторонам, недоумевая, что их вызвало, я встретился взглядом с Широкусой.

Обычно в это время у нее было ежедневное утреннее чтение, но, по какой-то причине, сейчас она смотрела прямо на меня.

— Иик...

Как ни странно, мне на ум пришло слово «демон». Это был невероятно тяжелый взгляд, от которого мне захотелось пасть ниц и просить прощения.

Присмотревшись, я увидел, что книга, которую она читала, упала на пол. Тем не менее, она все еще смотрела на меня, не шевеля ни единой мышцей.

Может, она и была известной писательницей, но я знал, как высоко она ценит книги. У каждой книги, которую она читала, была защитная обложка, и она всегда использовала красивые закладки. Но даже не пыталась поднять книгу с пола... Можно было бы назвать такое поведение довольно необычным для нее.

Как я должен был это интерпретировать? Могу ли я рассматривать это как то, что в соответствии с планом Курохи, мы заставили ее подумать: «Подожди, я собиралась использовать его в качестве своего плана Б, но не была ли я тем, кто на самом деле являлся лишь запасным вариантом?», и в результате она была эмоционально задета?

Если так, то можно было сказать, что план удался. Это был первый удар против унижения быть отвергнутым.

— Но...

Я чувствовал, что нам это удалось. Я чувствовал, что она все так и восприняла. Но мое сердце было охвачено чувством депрессии.

Словом, которое лучше всего выражало эмоции, испытываемые мной к Широкусе в данный момент, было: «Идиотка!».

Я знаю, что внешне он выглядел круто, но быть обманутой Абэ-семпаем, который был так полон зависти ко мне...

«Идиотка! Дура! Ты позволила обмануть себя только потому, что он был красавчиком?! У тебя вообще есть глаза?! Что ж, теперь и ты получи немного этого чувства осуждения! И жаль, что ты не осознала моих чувств!»

По крайней мере, так я бы поучал ее в течение часа.

Но я также знал, что сопротивляться обаятельным, уверенным и милым речам несправедливого симпатичного парня уровня Абэ будет нелегкой задачей, а если он еще и серьезно постарается...

Например, если бы я хорошо общался со старшей сестрой моделью, живущей по соседству, и она бы внезапно призналась мне, или произошло бы нечто подобное, не уверен, что смог бы ей отказать.

Думая об этом таким образом, какая-то часть меня чувствовала, что ничего нельзя было поделать, и я не мог легко признать, что она заслужила то, что она получила.

Пока я сдерживал эти сложные эмоции, Тэтсухико похлопал меня по плечу.

— Так или иначе, Суэхару, ты должен попросить Качи помочь нам со сценарием.

— Черт, разве ты не видел, как она сейчас смотрела на меня, словно на кучку мусора?

— Тупица, конечно я видел. Как я мог не заметить? Я видел и все еще говорю тебе сходить. Потому что, если ты это сделаешь, с тобой может случиться что-то ужасное, и это было бы слишком забавно.

— Ты невероятный, понимаешь? Невероятно, как ты можешь быть таким отвратительным.

— Хорошо, хорошо. Я знаю себя лучше всех, так что давай уже.

Меня силой толкнули в спину и проводили к месту Качи.

Что ж, если я хотел заставить Абэ потерять дар речи, мне нужен был сценарий, способный украсть его популярность. В связи с этим попросить Широкусу написать его было наиболее оптимальным вариантом. Во всяком случае, теперь у меня не было выбора, кроме как перейти в наступление...

— Привет, Качи...

— Чего тебе?

— Ух...

Охх, это явно выглядело не очень хорошо.

Ее настроение все еще было примерно таким же плохим, как тогда, когда Тэтсухико

разговаривал с ней ранее... Или, возможно, оно стало еще хуже.

Я презирал свою глупость за то, что она втянула меня в эту путаницу. Как будто я безоружным бросился на стаю голодных волков.

Отвернувшись со слезами на глазах, я жестом попросил Тэтсухико помочь мне, и он принял умиротворяющую позу, прося меня расслабиться.

Я кивнул и глубоко вздохнул. Затем я дождался следующего наставления Тэтсухико, только чтобы увидеть, как его глаза внезапно открылись настолько широко, насколько это возможно, и он начал вести себя так, будто читал Буддийскую молитву.

... Б-буддийская молитва?

— Мару-кун.

— А?

— Тебе не кажется, что это грубо – позвал меня, а затем повернулся ко мне спиной?

Ой-ой. Теперь она точно злится.

А хуже всего было то, что Широкуса была права. Во всем этом была моя вина.

— Прежде всего, я хотел бы сказать, что я извиняюсь! Извиняюсь сразу за много разных вещей!

В такие моменты я не мог позволить себе сомневаться. Мои условные рефлексy сработали правильно, и я упал на колени.

Меня не волновали шепоты «Этот идиот снова становится на колени...», которые я слышал вокруг себя. Улучшение настроения Широкусы было для меня наиболее приоритетной задачей.

Ничего не услышав от нее в ответ, я украдкой поднял свои глаза. Я сопротивлялся желанию посмотреть на стройные и чувствительные бедра, завернутые в пару гольфов, а также на что-то, что я мог видеть скрытым в глубине ее короткой юбки, потому что, если бы я это сделал, пути назад бы не было. Так что вместо этого я стал смотреть еще выше.

Широкуса почему-то покраснела.

— Чего?

Ее темная аура полностью рассеялась. Неужели я случайно применил какое-то заклинание светового шара?

— Когда ты сказал «много разных вещей», ты имел в виду... — шепотом произнесла Широкуса.

Но, когда я приготовился спросить ее, что она имела в виду,

— ... Кхм, забудь об этом.

Широкуса снова закрылась в своей раковине.

— В любом случае, если тебе есть что сказать, дай мне услышать это. У меня очень мало свободного времени.

... Погодите-ка, это было странно. Ее шипы оторвались. Что же оказало подобный эффект?

— Эээ, ну, правда в том...

У меня все еще были сомнения, но я не мог упустить шанс. Оставив Абэ за кадром, я рассказал Широкусе о том, как мы с Тэтсухико собирались выступить вместе, искали интересный сценарий и хотели, чтобы все было как можно более живым, поэтому мы были бы очень признательны, если бы она согласилась сотрудничать с нами.

Широкуса не двинула бровью, пока слушала, сохраняя свой обычный вид «холодной красавицы». Когда я закончил, она заговорила, глядя мне прямо в глаза.

— Это действительно напрягает, когда люди внезапно льстят кому-то и просят сделать для них разные вещи после того, как этот человек становится знаменитым, не так ли?

Все было так, как она сказала.

Что касается меня, после того, как я стал юным актером, со мной разговаривали люди, которых я никогда раньше не встречал, и они говорили: «Эй, скажи для меня эту реплику», или спрашивали: «Как ты нашел ХХ-сан?». Другое дело, если бы они были моими друзьями, но я отчетливо помню свой гнев из-за того, что люди, говорили вышесказанное, снисходительно пытались выставить меня дураком.

— Это правда... Прости за то, что я сказал что-то странное.

Я повернулся на каблуках и понурившись собирался уйти, когда Широкуса повернулась ко мне спиной и заговорила.

— Но ты знаешь, я действительно хочу поддержать людей, которые хотят бросить вызов самим себе, поэтому я рассмотрю возможность помочь вам.

— Эмм?

Означает ли это, что есть шанс получить ее помощь в написании сценария? Серьезно?

— Ты собираешься играть на сцене, верно, Мару-кун?

Это напоминание меня потрясло.

Я действительно сказал, что собираюсь играть. Но что касается того, смогу ли я это сделать или нет... Мне все еще не хватало уверенности.

— Ну, у меня действительно было что-то вроде такого намерения.

— Что-то вроде?

— Нет! Я сделаю это, я сделаю это! Я определенно буду играть на сцене!

Если бы такая величественная и красивая девушка, как Широкуса, показала бы мне выражение лица, говорящее: «Эй, почему ты не можешь сказать наверняка?», как бы я мог не сказать, что собираюсь это сделать?!

Широкуса пристально наблюдала за мной, словно желая удостовериться, насколько я честен на самом деле.

— ... Если так, тогда я подумаю. О написании сценария.

— В самом деле?!

— Однако, все будет зависеть от моей компенсации.

— Уф...

За эти слова я бы убил Тэтсухико, но Широкуса была профессиональным писателем. У нее была квалификация, чтобы так говорить.

— Я... я подумаю, что я могу сделать, поэтому, пожалуйста...

Я чувствовал, будто Широкуса говорила «ну и ну», позволяя напряжению сползти со своих плеч.

— Давайте обменяемся контактами в Hotline. Я бы, помимо всего, хотела узнать какой сценарий был бы хорошим.

— Охх, ты уверена?

— Я ведь та, кто это говорит.

П-постойте! Это точно та Качи Широкуса?!

Красавица, школьница-автор, выигравшая премию Akutami! Выглядит достаточно хорошо, чтобы ее напечатали в журналах! Но еще она ненавидит мужчин! Она отвергла бесчисленное количество из них!

Чтобы эта Широкуса попросила мой контакт в Hotline... Что? Было ли это вообще возможно? Это реальность?

Правда заключалась в том, что класс теперь болтал так же возбужденно, как когда Куроха ранее объявила, что мы встречаемся. На самом деле, возможно, даже больше. Поскольку Широкуса, просящая контакт парня в Hotline, была невероятным явлением.

Я на мгновение оглянулся назад и увидел, что даже у Тэтсухико, который раньше так насмехался надо мной, были глаза размером с блюдце.

«Что теперь, Тэтсухико? Ты видишь это? Мы действительно ладим, не так ли? Теперь ты понимаешь?», – примерно так я и думал, полный чувства собственного превосходства, когда я увидел Куроху, наблюдающую за сценой ледяным взглядом.

А, точно. Мне все еще нужно стараться сохранять спокойствие, прежде чем тот факт, что я встречаюсь с Курохой, станет достоянием общественности.

Изо всех сил пытаюсь остановить свой рот, который так и норовил искривиться в ухмылке, я вытащил мобильный телефон.

— Окей, я пришлю тебе наброски постановки и сюжета, как только смогу.

— Хорошо, я обязательно буду использовать их в качестве исходника.

О-о, блин, я сейчас действительно счастлив...

Широкуса встречалась с Абэ, но быть на один шаг ближе к ней, даже пусть и в качестве друга, было достаточно, чтобы мои щеки стали краснеть.

Уф, так вот что значит быть узником любви? Каким же жалким я был.

Когда мы закончили обмениваться контактами, прозвенел утренний звонок.

— Давай, Хару. Пора возвращаться на свои места.

Куроха была в плохом настроении непонятно из-за чего. Позвать меня было бы вполне достаточно, но ей зачем-то потребовалось тянуть меня за уши в прямом смысле.

— Черт возьми, я знаю! Айй, Куро! Будь осторожнее с моим ухом!

— Хорошо, хорошо. Тогда поторапливайся.

К своему глубочайшему сожалению, я не осознал.

Не осознал, что на долю секунды страшные взгляды Курохи и Широкусы пересеклись.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/30412/1234257>